

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. — М., Изд-во АН СССР, 1953. 240 стр. (Ин-т востоковедения АН СССР.)

Автор взял на себя большую и нелегкую задачу, когда он принялся составлять сравнительную грамматику монгольских языков. Он и сам ясно видит трудности, которые связаны с выполнением этой задачи. К ним он относит, во-первых, серьезные недостатки сравнительно-исторического метода, и, во-вторых, тот факт, что монгольские языки и диалекты, в том числе и старописьменный язык, изучены недостаточно, а о некоторых из них мы вообще ничего не знаем. Эти трудности, наряду с которыми можно было бы назвать еще и некоторые другие, были хорошо известны и до сих пор. Заслуги автора тем более ценны, что он не побоялся трудностей и принял на себя то, чего боялись другие: неизбежные ошибки, сопряженные с неблагодарной, но чрезвычайно важной работой пионера в данной области науки. Поэтому глубоко несправедливым оказался бы тот, кто стал бы искать в книге прежде всего ошибки или исключительно ошибки и на основании их пытался бы определить ценность «Сравнительной грамматики монгольских языков», являющейся первой работой, которая в такой широкой перспективе трактует все существенные вопросы монголистики.

Книга Г. Д. Санжеева учитывает все важнейшие достижения монголоведения, в некоторой своей части связанные как раз с его именем. Не следует при этом думать, что в данном случае речь идет о простом подытоживании сделанного прежними исследованиями. Не говоря уже о том, что выясненные ранее детали получают в книге Г. Д. Санжеева совсем новый смысл при рассмотрении их во взаимосвязи, многие вопросы в конкретной форме подняты автором впервые.

Автор, сознавая недостатки своего труда, скромно рассматривает его лишь как предварительный. Рецензент вполне соглашается с автором, также считая его работу предварительной, но по совершенно другой причине. В истории любой науки, в том числе и нашей, определения «предварительности» заслуживают только действительно хорошие работы, которые в такой мере ускоряют научные исследования своими новыми достижениями и богатством новых точек зрения, что они преждевременно устаревают. В этом смысле мы и считаем рецензируемую книгу предварительной.

Рецензируемая работа подвела итоги известному этапу монголоведных исследований, этапу, предшествующему первому синтезу. Даже в самой подробной рецензии было бы невозможно изложить все вопросы, по которым — на современном уровне наших исследований — мы полностью согласны с автором. Однако нам кажется, что не в этом заключается наша задача. Думается, что мы должны остановиться на тех новых, очередных вопросах монголистики, которые позволяет поднять рецензируемая книга.

Наши замечания разделяются на две группы: одни из них являются принципиальными, другие касаются частных вопросов.

Первый вопрос, который мы постараемся поднять, является нелегким, но нам кажется, что обойти его было бы ошибкой: как мы должны правильно применять сравнительно-исторический метод в монголистике? Конечно, общие установки, изложенные Б. А. Серебренниковым на широком материале, будут полезны и здесь¹; но большую часть наших специфических, внутренних проблем мы должны решить только сами, на основе нашего собственного материала, данных монгольских языков.

Самые большие препятствия для правильного применения сравнительно-исторического метода обнаруживаются именно в алтаистике. Сравнительно-исторический метод развился на основе исследования связей и родства индоевропейских языков. Залогом прежних успехов этого метода служило то, что в распоряжении исследователей была очень широкая сеть изучаемых языков и что по многим из этих языков имелись обширные памятники с древнейших времен до нашей эры. По сравнению с ними сеть алтайских языков так бедна, что ее почти нельзя назвать сетью: она состоит

¹ См. Б. А. Серебренников, К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании, ИАН ОЛЯ, 1950, вып. 3.

вещи на трех частей. Не лучше обстоит дело с языковыми памятниками отдельных ветвей этой сети. Самые древние памятники со связными текстами относятся уже к илшей эре: тюркские — к VII—VIII вв., монгольские — к XIII в. и маньчжуро-тунгусские — к XVI—XVII вв. Несколько более древними являются отрывочные глоссы отдельных ветвей этой группы языков. Однако эти глоссы не имеют решающего научного значения, отчасти потому, что они очень малочисленны, а отчасти потому, что они не свидетельствуют о более древнем состоянии соответствующих языков по сравнению с памятниками, содержащими связанные тексты.

Не при таких условиях развивалась индоевропеистика. Вероятнее всего, при таких неблагоприятных условиях не развился бы и сам сравнительно-исторический метод, или если бы такой метод и развился, то вряд ли при его помощи в индоевропеистике достигли бы больших результатов, чем теперь в алтаистике. Родство так называемых алтайских языков является очень вероятной гипотезой, которая в настоящее время всеми нами принята, но оно все же имеет значимость только гипотезы, которая до сих пор научно еще не доказана. Положение таково, что даже после появления в свет ценной посмертной работы Г. И. Рамштеда¹ мы все еще не можем родство алтайских языков считать безупречно доказанным в соответствии с научно-обоснованными фактами, так, как доказано, например, родство финно-угорских языков или родство этих языков с самодийскими.

И все же, несмотря на изложенные обстоятельства, мы должны придерживаться применения сравнительно-исторического метода и в области алтаистики, ибо только с его помощью можно разрешить некоторые основные проблемы в данной отрасли языковедения. Можно надеяться, что в области алтаистики раньше или позже наступит улучшение и при наличии указанных выше объективных трудностей. В области изучения живых алтайских языков, несмотря на все еще имеющиеся серьезные недостатки, положение на сегодняшний день является гораздо более благоприятным, чем несколько десятилетий тому назад. Достаточно будет указать на огромный материал по живым языкам, собранный советскими исследователями; значение этого материала является особенно неопределимым в некоторых ранее совершенно неисследованных областях алтаистики, например, в части маньчжуро-тунгусских языков. Мы значительно продвинулись вперед также и в области обработки отдельных языковых памятников, на которые до сих пор не обращалось достаточного внимания. Работа, которая ведется интенсивно в данном направлении и сейчас, обещает особенно богатые результаты. А если некоторые исследования, касающиеся истории языков, увенчаются успехом, то можно будет надеяться, что нам скоро удастся уточнить принятую теперь хронологию самых древних памятников отдельных алтайских языков. Точнее говоря, это означало бы, что самые древние тексты маньчжуро-тунгусских языков относятся бы не к XVI—XVII вв., а к XII в., а памятники монгольских языков поддавались бы исследованию не с XIII в., а с X в. Конкретно речь идет о нерасшифрованных и необработанных памятниках джурчэньского и киданьского языков. С точки зрения сравнительно-лингвистических исследований решающим является не разницы в хронологии, а скорее факт, что эти языки обнаруживают более древнее состояние, чем то, которое выявляется по самым древним памятникам из числа известных до сих пор.

Однако как бы ни были важны эти исследования, от них мы едва ли можем ожидать решающего сдвига в области самого важного вопроса, в области подтверждения родства алтайских языков. Решающий сдвиг может наступить только тогда, когда нам удастся устранить одну типичную ошибку в методе исследования, о которой раньше почти не упоминали.

Кроме общезвестных трудностей применения сравнительно-исторического метода, алтаистика должна принимать во внимание еще одну большую трудность. Дело в том, что отдельные алтайские языки после своего выделения из языка-основы развивались далеко не изолированно друг от друга. Наоборот, племена и народы, носители этих языков, начиная с самых древних времен многократно вступали друг с другом в длительные и интенсивные соприкосновения. Эти соприкосновения безусловно оставили следы как в словаре, так и в грамматической структуре. Часть этих соприкосновений не является гипотетической: письменные, большей частью китайские, источники очень часто дают об этом подробные сведения. На основании современного состояния наших исследований видно, что мы должны прежде всего иметь в виду глубокие и повторяющиеся соприкосновения между отдельными тюркскими и монгольскими племенами, народами и языками, а также между отдельными монгольскими и маньчжуро-тунгусскими племенами, народами и языками. Мы не можем здесь подробно останавливаться на этом вопросе, но мы должны отметить, что киданьский и джурчэньский языки, недавно привлекавшие к себе внимание, имеют огромное значение в деле выяснения только что указанных связей между разными алтайскими народами и языками.

¹ G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II — Formenlehre, Helsinki, 1952.

Не подлежит сомнению, что в своих сравнительно-исторических исследованиях в области алтаистики мы должны опираться только на тот языковой материал, который в отдельных языках может рассматриваться как непосредственное продолжение алтайского языка-основа.

В области же монгольских языков сравнительно-исторический метод мы можем применять в более благоприятных условиях, нежели в области прочих алтайских языков.

Прежде всего нет нужды доказывать родство монгольских языков: общность основного словарного фонда и грамматической структуры ясна даже без минимального доказательства. Автор рецензируемой книги правильно характеризует отношение монгольских языков друг к другу, указывая, что монгольские народы (за отдельными исключениями, например, монголов и моголов) так же хорошо понимают друг друга, как русские, белорусы и украинцы.

Сеть монгольских языков богата, и автор делит их на шесть групп: могольский (в Афганистане), кукуноро-монгольский (язык монголов, шара-уйгуров, шарайгонов и т. д.), дагурский, ойратский, бурятский и собственно монгольский. Ввиду того, что в отношении некоторых монгольских языков еще не было ясности, пишущий эти строки до сих пор не брался за классификацию монгольских языков, а ограничивался лишь их перечислением по чисто географическому расположению. Но точка зрения Г. Д. Санжеева так ясна, а доводы так убедительны, что его классификацию мы можем безусловно принять, тем более, что описание и обработка данных по тем языкам и диалектам, которые до сих пор исследованы недостаточно или о которых мы пока ничего не знаем, ни в коем случае не выйдут за рамки этой классификации.

Хотя в связи с изучением формирования отдельных монгольских языков до сих пор имеется много невыясненных проблем, вопрос о развитии их со времен распада империи чингисидов не является особенно сложным.

Что касается очередных задач монголистики, мы бы указали на необходимость исследования истории современных монгольских языков и диалектов. Такие исследования безусловно связаны с известными трудностями, хотя кое-какие отрывочные и бессистемные данные об этих языках и диалектах имеются. Известно, например, что орфография письменного-ойратского языка в части обозначения дифтонгов сохраняла такие древние явления, которые относятся к языку первой половины XVII в., — это очень правильно использовано и автором в рецензируемой книге. Что касается халкаского диалекта, то нужно было бы детально проверить, действительно ли имеются такие произведения, написанные письмом соёмбо, которые, пусть даже отрывочно, показывают особенности этого диалекта и о которых пишет Б. Ричен¹. Еще Б. Я. Владимирцов указывал на то, что во многих литературных произведениях на письменномонгольском, или классическом монгольском языке XVIII в. обнаруживаются особенности внутренне-монгольских диалектов. Естественно, исследования по исторической диалектологии имеют еще много других средств и путей. Было бы ошибкой недооценивать результаты подобных исследований только потому, что при помощи бесспорно более старых письменных памятников мы можем узнать гораздо больше.

Мы должны принимать во внимание проблему диалектов даже относительно самых древних памятников, тем более, что данная проблема очень остро стоит также в связи с введением самой старомонгольской письменности.

Как в области изучения вопроса о введении старомонгольской письменности, так и в области исследования старописьменных монгольских языков — все это тесно связано друг с другом — мы и в настоящее время не пошли дальше работ Б. Я. Владимирцова, пионера и в данной отрасли монголистики. Достигнутые результаты, как указывает автор, позволяют сделать следующий вывод: монголы получили в готовом виде не только письменность, но и письменный язык; непосредственной основы этого письменного языка мы не знаем. Основная трудность состоит в том, что старописьменный язык показывает такие языковые или, вернее, диалектные особенности, которые невозможно объяснить при помощи живых монгольских языков или диалектов. (Вот где мы особенно ощущаем недостатки в исследованиях по исторической диалектологии.) Неразрешимые задачи ставят перед нами преимущественно та группа диалектных особенностей, которая представлена примерами типа *«Мин человек»*, *«Кеме говорить»* и т. д.

Из-за этих основных трудностей происхождение старописьменного монгольского языка принято искать в чужом источнике: до сих пор исследователи думали прежде всего о найманах и керейтах. Автор хорошо понимает, что это просто предположение, поскольку языки или диалекты найманов и керейтов не оставили никаких письменных памятников. В пользу найманского языка или диалекта можно было бы привести то, что, согласно преданию, Чингис-хан принял к себе на службу найманского «кандлера», по имени Та-та Тонга, у которого была обнаружена печать с какой-то надписью. Но

¹ См. R i n t s c h e n, Zwei unbekannte mongolische Alphabete aus dem XVII. Jahrhundert, «Acta Orientalia», t. II. fasc. I, Budapest, 1952.

дело обстоит далеко не так просто, ибо ведь мы хорошо знаем, что найманы во времена Чингис-хана говорили еще и на своем прежнем, тюркском, языке; очень интересно в этой связи отметить, что в «Сокровенном сказании» монголов найманские топонимические названия и личные имена большей частью тюркского происхождения. Если мы все же предположили бы, что Та-та Тонга был передатчиком старописьменного языка от найманов монголам, то тут же возник бы вопрос, откуда и каким образом этот язык попал к найманам. Предположение о керейтском языке или диалекте также имеет основания, и даже несколько большие, чем предположение о языке или диалекте найманов. Правда, эта гипотеза не имеет такого «материального» основания, как «канцлер» найманского происхождения. Но является фактом, что Чингис-хан при организации и внутреннем устройстве своей империи часто брал примеры у керейтов, о чем в нескольких случаях свидетельствует и текст «Сокровенного сказания». Исследования последнего времени дают возможность высказать еще одну гипотезу: нельзя ли предположить, что старописьменный монгольский язык происходит от кыдаьского. Об основаниях такой гипотезы мы скажем ниже; очевидно, что положительное или отрицательное разрешение этого вопроса находится в пределах наших возможностей.

Следует остановиться еще на одном методологическом вопросе сравнительно-исторической монголистики, который на первый взгляд показался бы очень простым. Но прежние опыты монголистики показывают, что он вовсе не так прост и что его следует уяснить.

Современные монгольские языки и диалекты являются продуктом длительного исторического развития, и их отношения друг к другу мы можем понять только в том случае, если мы обратимся к тому историческому состоянию, из которого развились эти языки и диалекты. В чем проявляется это состояние? В «старом» монгольском языке? Вот в чем основной вопрос истории монгольских языков и диалектов. Монгольский язык существенно отличается от своих предполагаемых родственников среди прочих алтайских языков в отношении как основного словарного фонда, так и грамматического строя. Если мы допускаем, что когда-то эти родственные языки составляли общность — такое предположение допускается всеми алтаистами, — то этих различий в лексике и грамматике не было, т. е. они, эти различия, до распада алтайской языковой общности проявлялись в виде диалектных различий. Нынешние существенные различия между тюркскими и монгольскими языками, естественно, возникли не только в результате глубоких исторических изменений в развитии тюркских языков. Это значит, что огромны и те изменения, которые имели место в самом древнем монгольском языке, выделившемся из алтайского языка-основы. Эти изменения отграничивают состояние данного языка от состояния того монгольского языка XIII в., который мы зовем по самым древним памятникам. Эти огромные изменения произошли не сразу, не в результате взрыва, а путем очень длительного постепенного развития.

Сколько времени могло длиться развитие монгольского языка до XIII в.? Конечно, этого мы не можем установить даже приблизительно. Но если мы учтем, что тюркский язык VII—VIII вв. относительно близок к современным тюркским языкам и в то же самое время очень далек от монгольского языка XIII в., то мы должны категорически отвергнуть предположение некоторых тюркологов и монголистов о том, что за один-два века до нашей эры из алтайского языка-основы еще не выделились ни тюркские, ни монгольские языки.

Следовательно, не подлежит сомнению, что отрезок жизни и развития монгольского языка с момента его обособления от прочих родственных языков до столетий, предшествующих XIII в., охватывает огромный период. Что мы знаем о развитии монгольского языка в течение этого периода? В настоящий момент очень мало. Но о двух этапах этого развития изучаемого языка мы все же можем сделать некоторые заключения и как раз при помощи сравнительно-исторического метода.

Первым этапом является самый древний период жизни монгольского языка. Этот предполагаемый древний период в истории монгольского языка может быть назван, скажем, протомонгольским, — термин здесь имеет лишь относительное, ориентировочное значение и спорить о нем не имеет смысла, ибо можно было бы вместо него взять и другой, более подходящий. Другим, вторым периодом развития монгольского языка будет тот, который непосредственно предшествовал периоду, засвидетельствованному уже в наших древнейших письменных памятниках XIII в. Этот период мы назовем древнемонгольским, и в этом случае старописьменный язык, естественно, будет относиться к среднемонгольскому периоду.

К протомонгольскому языку мы можем в какой-то мере приблизиться лишь используя данные родственных языков, тюркских и маньчжуро-тугусских, а также при помощи выводов, сделанных на основании данных древнемонгольского языка. Но если принять во внимание нынешнее состояние алтайского сравнительно-исторического языкознания и учесть, что в области систематического исследования древнемонгольского языка мы далеко еще не достигли нужных результатов, то не удивительно, что о протомонгольском языке у нас пока имеются лишь очень смутные догадки. Следовательно, пока не может быть и речи о том, чтобы об этом языке иметь сколько-нибудь ясное представление.

(Относительно древнемонгольского языка положение, по крайней мере в принципе, **значительно** лучше, хотя некоторые трудности имеются и здесь.

Прежде всего необходимо отметить, что теоретические восстановленные формы, так называемые формы под звездочкой, выведенные лишь с грубым приближением к действительности, не всегда могут отражать действительные процессы в развитии языка. Но если мы всегда будем это учитывать и не будем смотреть на формы под звездочкой как на догмы, и если мы в особенности не будем упускать из виду того, что язык никогда нельзя отрывать от времени и пространства, от истории народа-носителя и метафизически представлять его находящимся в состоянии покоя, то мы тогда в своих исследованиях вряд ли сойдем с правильного пути.

Самые древние известные нам памятники монгольского языка относятся к XIII в. Эту дату мы не должны понимать механически. Бесспорно, что состояние монгольского языка, зафиксированное в этих памятниках, не связано только с XIII в. Дело в том, что это же состояние монгольского языка, точнее диалекта памятников, могло иметь место за 100—200 лет до XIII в.

Имеется еще один очень важный вопрос, которому в монгольском сравнительно-историческом языкознании должно быть уделено особое внимание. Исследование можно вести, исходя из двух точек зрения. Либо мы пытаемся на основании материала современного или известного нам древнего языка реконструировать прежнее состояние языка, из которого развилось его современное состояние (асцендентный метод), либо из более древнего состояния языка, которое мы представляем себе или практически знаем, пытаемся объяснить современное состояние данного языка (десцендентный метод). Общеизвестно, что последний метод без существенного вмешательства может быть применен только изредка, — он применялся в романском языкознании, в котором знакомство с латинским или вульгарным латинским языком делает такой подход не только возможным, но даже обязательным для языковеда. Однако едва ли было бы правильным эти два метода резко противопоставлять друг другу. По всей вероятности, к этим двум методам нужно подходить критически, диалектически их соединяя. Такой правильный путь был избран также и автором рецензируемой книги.

Построение и структура этой книги ясны. Стиль изложения (насколько об этом может судить иностранец) легкий; во всяком случае книга читается с интересом от начала до конца; увлекают даже те ее места, которые вызывают возражения. Ввиду многочисленных достоинств этой книги мы рекомендуем ее в университете в качестве пособия для студентов.

По нашему мнению, книгу следовало бы дополнить главой или разделом, кратко знакомящим читателя с языками, которые предположительно являются родственными с монгольскими, с нынешним состоянием алтайстики, как это было сделано Б. Я. Владимирцовым в его классической работе¹. Это тем более необходимо, что автор в связи со многими проблемами ссылается на другие алтайские языки, а иногда посвящает вопросам алтайстики небольшие самостоятельные главы. С другой стороны, мы считаем правильным, что автор не рассматривает алтайские языки более подробно, — это едва ли возможно при нынешнем состоянии алтайстики. Такие, более подробные алтайские исследования нужны, но они не могли бы уложиться в рамки рецензируемой книги.

Мы также с удовольствием прочли бы — в следующем издании — немного более подробную главу о прежнем состоянии монгольских языков.

Возникновение монгольского языка, естественно, нельзя связывать с выступлением на историческую арену Чингис-хана. На такой точке зрения стоит и сам автор, поскольку отдельные явления гипотетически вводят к VII в. н. э. (см., например, таблицы на стр. 94 и 100). Но этот вопрос имеет не только теоретическое обоснование.

Во всяком случае стоит указать на то, что, по мнению отдельных исследователей на монгольском языке говорили жуань-жуане, часть паннонских аваров и эфталиты. Это пока что предположения, так как языковой материал, который позволял бы сделать более определенные выводы, очень невелик. Но эти предположения заслуживают внимания по двум причинам. Вопрос о языковой принадлежности этих древних, вымерших народов может быть решен только лингвистами. С другой стороны, теоретически является ясным, что уже до эпохи Чингис-хана на монгольском языке говорили и такие племена, которые и не носили названия монголов.

Практически имеет значение и следующее: на основании письменных памятников можно доказать, что к югу от Байкала, к западу от Хингана и на востоке вплоть до Ляодуна в первые века н. э. обитал целый ряд племен, говоривших на монгольском языке. Как известно, народ дун-ху, который раньше ошибочно отождествлялся с тунгусами, после поражения в войне с сюн-ну разделился на две части: у-хуань и сянь-би. О последних китайские источники с 45 г. н. э. приводят довольно подробные

¹ См. Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 44 и сл.

сведения. Из них выделались, с одной стороны, племена си¹ и кидане, а с другой, несколько позднее ветвь а-жа, которую китайцы называли ту-юй-хунь, а тибетцы — фа-ян.

Эти а-жа из района реки Ляо примерно около 250 г. н. э. переселились в северную часть Гань-су, а позднее, в IV в., в район озера Кукунор. Здесь они осели и образовали самостоятельное государство, которое было уничтожено тибетцами в 663 г. О киданях китайские историки упоминают с 406 г., а позднее приводят о них все более подробные данные. Кидане в X в. заняли Северный Китай, где с 907 г. до 1125 г. царствует киданская династия Ляо. Известно также, что племена сянь-би имели и северную группу, которая обитала к югу от Байкала, на северо-востоке нынешней Монгольской Народной Республики и на соседней, пограничной территории северо-восточного Китая. Союз этих племен в китайских источниках, начиная со времен Танской династии (VII—X вв.), приводится под названием ши-вэй.

Что касается лингвистической стороны, то самые известные сяньбийские glossы недавно были собраны китайскими учеными². К сожалению, эти glossы до сих пор лингвистически не обработаны, хотя их значение для монголистики не подлежит никакому сомнению. Не лучше обстоит дело и в отношении обработки имеющихся памятников киданьского языка. Количество киданьских gloss, которые можно найти в китайских источниках, свыше сотни. Большинство из них можно расшифровать без особого труда, и они свидетельствуют о том, что киданьский язык безусловно относится к монгольским языкам. Можно установить, что этот язык по сравнению с монгольским языком XIII—XIV вв. обнаруживает более древние черты (вместо *h* в начале слова еще имеется *h*). Кроме того, он представляет собою диалект, имеющий некоторые существенные особенности и характеризующийся сильной палатализацией. Вот несколько киданьских слов: *джау* «сто», *тау* «пять», *тоуэ* «ныль», *наир* «солнце», *сэйр* «луна» и т. д. (соответственно письменно-монгольские *джабуи*, *табуи*, *тоусун*, *наран* и *сара*).

Кидане имели письменность и даже две. Одну из них китайцы называли «малыми иероглифами»; этих «малых иероглифов» было немного, и писался они слитно. Предположительно это была уйгурская письменность; памятники с этими письменами не сохранились. Другая киданьская письменность — китайского происхождения — называлась «большими иероглифами» и состояла приблизительно из 3000 знаков. До последнего времени не было обнаружено больших памятников и с этими письменами. Однако в 1922 г. из древних могил киданьских царей были извлечены две пространные надписи с переводом на китайский язык. За этой первой находкой последовала другая, и в настоящее время мы уже имеем четыре большие надписи, кроме того — несколько маленьких надписей³. К сожалению, эти письмена пока еще не прочтены, а поэтому надписи остаются немymi. Но если кто-либо прочтет их, то это будет большим событием в монголистике.

Где находились собственно монголы в киданьскую эпоху? На этот вопрос мы в настоящее время можем ответить без затруднения: собственно монголы были среди ши-вэй. Китайские источники времен Танской династии перечисляют племена ши-вэй, одно из которых называется мэн-у или мэн-ва⁴. Уже многие указывали на то, что это название, конечно, является идентичным с названием «монгол». Если обратит внимание, например, на топографию самых древних событий, описываемых в «Сокровенном сказании», или на то, где протекала молодость Темучина, будущего Чингис-хана, а также и на жизнь монгольских племен его, Темучина, времени, то видно, что все это происходило в основном все еще на древней территории ши-вэй.

При таких условиях, вероятно, станет понятным, почему рецензент не соглашается с утверждением автора о том, что монгольский язык в XII—XIV вв. был единым. И это не потому, что он не может ответить на основной вопрос, который неизбежно вытекает из такого утверждения: на чем основан тот вовсе не просто объясняемый факт, будто монгольский язык в указанное время был единым. На этот вопрос может быть

¹ Упомянутый в китайских источниках народ си уже В. Томсен гипотетически был приведен в связь с т(а)т(а)бы (см. V. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, Helsingfors, 1896, стр. 141). Эта гипотеза теперь полностью подтверждается недавней покая тибетской рукописью, относящейся к X в. В этой рукописи указывается, что племя, называемое тибетцами хе (he), китайцами именуется хе-це (he-ce), а народом дру-гу (тюрками) — ад-пй. Последнее название, может быть, читается как татбы; к сожалению, наличие или отсутствие дефиса в тибетских памятниках имеет некоторое значение, в особенности в иноязычных словах. Значит, предполагаемое правильное чтение этого названия — татбы, но не исключено и чтение в виде татбае.

² См. Фан Чжун-ю, Сянь-би юй-янь као, *Yenching journal of chinese studies*, 1930, стр. 1429.

³ См. «Ляо-лин ши-кэ цзи-лу», Фэн-тянь, 1932.

⁴ См.: «Цзо Тан-шу» 199в, 10а; «Синь Тан-шу», 219, 7а. Последнее место содержит иероглиф, который читается «ва». Однако из издания Бэ-на, страницы которого мы приводим, видно, что это только описка, и в конце концов оба источника содержат название, которое читается «мэн-у».

дано только два ответа: или потому, что монгольский язык уже был единым еще до XII в., или потому, что этот язык стал единым в эпоху Чингис-хана, хотя он не был таковым раньше.

Даже в принципе трудно представить себе, что громадное изменение, происшедшее в процессе развития от протомонгольского языка до среднемонгольского, монгольскими племенами и народами осуществилось единодушно, без всяких разностей фаз развития. Ранние этапы этого развития на этот раз роли не играют. Существенным является только вопрос о том, можно ли предположить наличие единства в эпоху, предшествующую XII в. Теоретически и в данном случае трудно представить, что в то время монгольский язык был единым. Ведь на основании источников ясно видно, что мы должны считаться с наличием по меньшей мере трех центров монгольской речи: ши-вай, кидане и ту-юй-хунь, или а-жа. Однако факты свидетельствуют о том, что едва ли можно говорить о языковом единстве даже в пределах этих отдельных центров. Так, на основании доступных нам киданских gloss мы должны сделать вывод, что трудно иметь в виду наличие диалектов в самом киданском языке, расхождения между которыми нельзя считать незначительными.

В то же время нельзя сомневаться в том, что завоевания Чингис-хана и основание его империи вызвали в языковом отношении определенную интеграцию. Однако больше всего этой интеграцией были затронуты диалекты центральных областей, что же касается окраин, то там подобная интеграция происходила значительно слабее. Не случайно персидский историк Рашид-ад-дин приводит примеры, иллюстрирующие, в какой мере речь ойратов отличается от речи прочих монголов. Трудно также представить, чтобы бурятский язык, равным образом распространенный на окраине Монгольской империи, мог получить свою языковую специфику лишь после XV в. Можно было бы перечислять еще много подобных обстоятельств, препятствующих принятию положения о единстве монгольского языка в эпоху XII—XIV вв., но их подробное рассмотрение расширило бы рамки настоящей рецензии.

Нельзя возражать автору, если он и впредь будет придерживаться своей точки зрения (это его право, если приведенные доводы его не убедили), но только в форме гипотезы. Будущие исследования безусловно решат этот вопрос окончательно. Однако было бы нежелательным считать точку зрения, изложенную в рецензируемой книге, единственно правильной или бессорной, ибо в таком случае она скорее тормозила бы будущие исследования, а не продвигала бы их вперед.

Мы в настоящее время переживаем такой период монголистики, который сильно напоминает нам эпоху тюркологии на рубеже XIX—XX вв., когда были расшифрованы орхонские и енисейские надписи и найдены уйгурские и другие тексты разных размеров, иногда очень больших, в которых обнаружались поразительные факты. Начиная с последних десятилетий до сегодняшнего дня в огромном количестве исследуются все новые памятники значительных размеров, которые уже коренным образом изменили наши прежние взгляды на монгольский язык XIII—XIV вв. Ныне получают большой размах исследования, связанные с огромными трудностями и нацеленные на то, чтобы пролить свет на монгольский язык до XII в. Нам кажется, что на современном этапе нашей науки мы должны быть особенно осторожными в формулировке суждений обобщающего характера. Тем не менее в заключение мы позволим себе иллюстрировать на нескольких примерах те выводы, которые можно ожидать в области сравнительной монголистики из более нынешних исследований.

Уже давно известно, что монгольские *чи* и *джи* происходят к **mi* и **di*. По мнению автора рецензируемой книги, исходное положение существовало еще в VII—X вв. (стр. 94, 100). Возьмем пример. Китайский источник, который был закончен составлением в 813—814 гг., приводит название одной горы, которое, по мнению китайского автора, на языке народа ту-юй-хунь¹ обозначает «тридцать»: *то-чжэн*; это слово на основании китайского произношения того времени фонетически соответствует иноязычному *буцин* или *бурцин*. Слово это — монгольское, но трудно сказать, содержало оно или нет в своем составе звук *p*. Однако бесспорно то, что в этом слове, которое относится по меньшей мере к концу VII в., вместо **mi* мы имеем *чи*. Следует ли на это, что хронология **ti* > *чи*, установленная автором, является ошибочной? Во всяком случае, из этого следует только то, что в VIII в. существовал такой монгольский язык (или диалект), в котором этот сдвиг уже совершился.

Далее. Начальный слог *си-* связан с двумя проблемами: 1) В какое время начали в положении перед *i* произносить *ш* вместо *с*? 2) Когда наметился перелом гласного *i* в первом слове? В связи с этим мы бы привели два примера из киданского языка. По китайской glossе в киданском языке было слово *шавва* или *шавва* «орел» (письменно-монгольское *сiбабун* «птица»), или там же *шавваджи* или *шавваджи* (письменно-монгольское *сiбабунчи* «птицелов»). Стало быть, этот пример свидетельствует о наличии пе-

¹ О связях киданского языка и языка ту-юй-хунь см. L. Nam b i s, Note sur les *Tuyuyun, «Journal asiatique», t. CCXXXVI, fasc. 2, 1948. О glossе ту-юй-хунь см. P. Pelliot, Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale, «T'oung Pao», vol. XXVI, № 4—5, 1929, стр. 250—252 (VIII — Un mot mongol sous les T'ang).

релома гласного *i* в киданьском языке. Но второй пример, также обнаруженный в китайской глоссе, свидетельствует, наоборот, об отсутствии такого перелома: *шйбак* «попынь» (письменно-монгольское *сйбаб*). Как мы видим, между двумя глоссами имеются диалектные расхождения.

Материалы монгольского языка XIII—XIV вв., которые были открыты позднее, дают возможность для еще более многообещающих выводов. Из них автор уже использовал многое, хотя это было сопряжено с немалыми затруднениями, так как большая часть найденного материала еще не прошла в нужной мере предварительную филологическую обработку, являющуюся предпосылкой для его использования в языковедных целях.

Из надежных форм личных местоимений 3-го лица автор рассматривает следующие (стр. 152): ед. число род. пад. *иу*, дат.-местн. пад. *имадур*, вив. пад. *имаји*; мн. число род. пад. *ану*, вив. пад. *ани*. По новейшим материалам мы можем еще добавить следующие: ед. число дат.-местн. пад. *имада* («Сокровенное сказание»), оруд. пад. *има'ари* («Сокровенное сказание»), исход. пад. *имадача* (китайско-монгольская надпись 1338 г.), совмест. пад. *имаулу-а* (китайско-монгольская надпись 1335 г.); мн. число дат.-местн. пад. *андур* («Сокровенное сказание») и *ана* (документ 1291 г.).

В связи с показателем множественного числа *-н* очень интересно замечание автора о наличии этого показателя в бурятском языке (стр. 133). Можно добавить, что этот показатель множественного числа очень богато представлен в памятниках монгольского языка XIII—XIV вв., как, например, в «Сокровенном сказании», а также в других монгольских текстах в китайской транскрипции и текстах квадратной письменности; можно найти этот показатель и во многих памятниках старописменного монгольского языка. Материал является почти необозримым, и в данном случае вместо подробного рассмотрения этого материала достаточно указать на недавно появившееся предварительное исследование по этому вопросу, содержащее целый ряд значительных наблюдений¹.

Мы бы подчеркнули, что *-н*-овый показатель множественного числа присоединяется не только к именам деятелей на *-ч i*, но к целому ряду других типов имен. В связи с *-н*-овым показателем множественного числа мы часто находим в формах единственного числа дифтонг с конечным неслоговым *i*. Бросается в глаза, что это *i* ~ *и* действительно отражает соответствие единственное число ~ множественное число: *нокай* «собака» ~ мн. число *нокан*; *маузи* «плохой» ~ мн. число *машун*; *кед'и* «несколько» ~ мн. число *кед'ин*; *яб'икуй* «идущий» ~ мн. число *яб'икур*; *какану'ан* «ханский» ~ мн. число *какану'ан* и т. д. Многочисленные примеры ясно показывают, что суффиксы *-тан* и *-тен*, представляющие форму множественного числа, следует непосредственно относить не к основе на *-ту* и *-туй* (конечно, они связаны и с ней), а к основе на *-тай* и *-теи*.

Автор наиболее часто употребительные послелоги основательно рассматривает на стр. 204 и сл. В связи со словами *мет'* и *шингэи* стоит привести и *сими*, найденное в старописменном монгольском языке и обозначающее «как, подобно, вроде». Приводим это слово не только потому, что оно семантически примыкает к *мет'* и *шингэи*, но и потому, что оно связано с последним и этимологически. Слово это встречается несколько раз в монгольском переводе *Bodhicaryāvatara* (*уябсан сими*), V, 56; *дарубсан сими*, V, 12a; *кисен сими*, VI, 122a), в текстах *Subhāṣitaratnaṅgī* (*кйудубсан сими*, IX, 8a: 424d), в китайско-монгольской надписи 1338 г. (*кек'дегарчегсен сими*), в монгольском переводе Сяо-цзяна (*ојір-а сими*), *вечкик'и сими*), а также и в «Сокровенном сказании» (*'еи шит'и*, § 164).

В заключение отметим, что выводы автора опираются на богатый материал; это позволяет нам считать, что рецензируемая книга является значительным событием в монголистике. Мы с большим интересом ждем ее второй, завершающий том.

Л. Ливети

Перепела К. Е. Майтинская

А. И. Ефимов. История русского литературного языка. Курс лекций. — [М.], Изд-во Моск. ун-та, 1954. 432 стр.

Курс истории русского литературного языка, занимающий видное место в кругу лингвистических дисциплин, наименее обеспечен учебными пособиями. Поэтому выход курса лекций по этому предмету не может не быть воспринят как важное и отрадное явление.

Следует, однако, поставить вопрос, насколько восполняет книга А. И. Ефимова этот осязательный пробел, в какой степени она удовлетворяет настоятельной потребности в учебном пособии по истории русского литературного языка.

¹ См. E. Hae n i s c h, Grammatiche Besonderheiten in der Sprache des Manghol n i u s a t o b c a ' a n, Helsinki, 1950, особенно стр. 4—13.